

Вета Ножкина

Мулета для скрипки

роман о подростках

Вета Ножкина

Мулета для скрипки

«Издательские решения»

2015

Ножкина В.

Мулета для скрипки / В. Ножкина — «Издательские решения», 2015

Как становятся взрослыми? Как в человеке укладываются понятия чести, достоинства, искренности, дружбы и любви? Как в жизни постигается наука отношений с ровесниками, учителями и родителями? На эти вопросы даёт ответ роман о подростках «Мулета для скрипки». Мулета — это красная ткань, которой тореадоры машут перед разъярённым быком. Мулета — это наша жизнь, события которой запутывают, интригуют, обезоруживают, но помогают сделать выбор. Книга предназначена для широкого круга читателей.

© Ножкина В., 2015

© Издательские решения, 2015

Содержание

1	6
2	8
3	11
4	16
5	20
6	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Мулета для скрипки роман о подростках Вета Ножкина

© Вета Ножкина, 2016

© Станислава Дьякова, иллюстрации, 2016

ISBN 978-5-4474-0960-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

На краю каждого дня ты можешь чувствовать, что жизнь как будто спешит проскользнуть в самом интересном месте мимо. Будто всё самое стоящее в ней происходит где-то там, а не здесь – рядом с тобою. Поверь, это можно исправить, если, конечно, ты захочешь. Развлеки себя – научись разбираться в людях. Наблюдая за ними, подмечая детали, ты очень скоро научишься понимать: кто есть кто. И тебе это обязательно пригодится. Твоя данность – быть, наблюдать и строить великие цели. Чем же ты наполнишь это «быть»: обновками, граффити, ритмом, рыком мотоцикла, интересной встречей? Это на твоё разумение. Только помни – выбирай то, с чем ты завтра будешь доволен собой. А это далеко не просто. Это то, с помощью чего ты сможешь через год или пять лет быть на высоте, и уверенно смотреть на свою цель. А пока учись разбираться в людях. Они могут быть разные по возрасту, профессиям и социальному положению. Ты ведь тоже скоро кем-то будешь. И даже когда-нибудь сможешь посмотреть на своё прошлое и крикнуть оттуда: – Йехууу... Всё задуманное состоялось!

Итак, начинаем...

В халате, домашних тапочках, с мусорным пакетом в руках, Кира Степановна вышла на лестничную площадку. Ловко придерживая дверь коленом, свободной рукой она повернула ключ в замке. Следом же, по привычке, ладонью протёрла номер на двери. Из соседней квартиры раздавались звуки скрипичных пассажей.

«Ой, сил моих нет! Когда ж это кончится!» – подумала Кира Степановна, глянув на соседскую дверь, и грузной походкой стала спускаться по лестнице.

– Здравствуйте, здравствуйте, – поздоровалась она с завсегдатаями, расположившимися на лавочке у подъезда.

– Привет, Кирочка, чего ты смурна/я такая? – поприветствовала одна.

– Опять, слышь, Хандошкины гундосят? – рассмеялась другая.

– Ой, не говорите – гундосят-гундосят! Это ж скоко можно пилить и пилить эту деревяшку?! Вот наделил меня бог соседями. Как они в семествтором заехали, так у меня жизнь кончилась.

– Ну, а чё – пожаловаться никуда нельзя?

– А куда? Да и раньше-то думала – интеллигентные люди, никак артист – раз в оркестре играет. А как дочка их на скрипку пошла – началось. Одно и тож, одно и тож – с утра до вечера, с утра до вечера. Я уж и беруши купила... А ежели кто позвонит? А я не слышу...

– Ой-и, – удивлённо вскинула брови одна из соседок, – Чего это, беруши-то? Чё эт такое?

– Мц, ну ты, Ангелина, совсем не современная! – Кира Степановна поправила косынку на голове, – Это затычки такие в уши, на пластилин похожи, токо красивенькие – розовые...

– Ещё бы я пластилин-то в уши совала, а как провалится?

– И ты туда же, Нина Петровна! – посмотрела с укором на другую соседку Кира Степановна, – Это ж наука придумала! А Клавдия мне подсказала – она и сама такими ж пользуется.

– Ну, ежели Клавдия! – поджала губы Нина Петровна и прыснула, – Ей-то самой уже, поди, всё это пиликать под боком надоемши.

– Что ты понимаешь, Ниночка Петровна, – она же... и для мужа и для дочки, как эта... муза.

– Ой-и, разговор у нас сёдни интересный, прям культурный! – вставила Ангелина, – Я вот всё смотрю на эту семейку, и думаю – вот ведь с музыкой живут, повезло им – каждый день то праздник, то концерт!

– И с Клавдией им повезло – вот не была б она портнихой, скоко ж денег-то они бы тратили на всякие обновки концертные! А сама-то она чё говорит?

– Клавдия-то? – Кира Степановна почувствовала себя не просто соседкой музыкальной семьи, а приближенной к их тайнам, – Она мужу и дочери не враг. Вчера она вон мне пальто начала шить. Говорит, в благодарность соседскую.

– Ну, повезло тебе, Кирочка, шьёт-то Клавка будь-буди!

– Хотя такая... компенсация. Да когда билеты в филармонию перепадут – но чего мне там делать-то? Я и так ихней музыкой сыта.

– Слушай, а второго дня не ты ли у филармонии билеты продавала? Мои мимо проходили, так говорят, тебя с билетами видели...

– Да, нет! Ошиблись, – Кира Степановна, стыдясь, что её могли заметить у театра, отвела взгляд в сторону и привстала, – ...Ладно, пойду я, мусор выкину – разомнусь хоть немного...

Кира Степановна удалилась вглубь двора, а соседки ещё продолжали судачить:

– И хитрюща эта Кирка! Она своё не упустит, – произнесла полупшепотом первая.

– В соседях у меня соклассница Хандошкиной Инки – так они с подружками в подъезде обсуждали, будто Инка эта как недоразвитая, дуб дубом, – она постучала о лавочку кулаком, только вот и знает, что на скрипице скрипеть.

– Ну, так уж лучше на скрипице, чем в подворотне ширяться да водку хлестать. Твой-то внучок давно завязал?

– А ну, тебя! И поговорить с тобой о хорошем нельзя! Пойду я – засиделась...

Соседки разбрелись по разным подъездам.

Возвращаясь, Кира Степановна присела на лавочку. По аллее, к подъезду подходил невысокий седовласый мужчина лет шестидесяти, через плечо у него была перекинута сумка на ремне, за который он придерживался одной рукой, а в другой нёс небольшой по объёму футляр.

– Здравствуйте, Евстафий Иванович, – обратилась Кира Степановна к подходящему к подъезду мужчине, – Ваша Инночка-то сегодня с утра занимается – вот умница!

Евстафий Иванович галантно поклонился, перекинул футляр инструмента из одной руки в другую, и зашёл в подъезд.

2

В домах старой постройки квартиры называли хрущёвками. Они были похожи друг на дружку, различаясь лишь количеством комнат. Считалось, что трёхкомнатная квартира доставалась счастливым. Такими счастливыми была семья Хандошкиных, состоящая всего из трёх человек. И по квадратным метрам им полагалась двушка, т. е. двухкомнатная. Но Евстафию Ивановичу, как служащему филармонии, как творческому работнику, по закону требовался отдельный кабинет.

Стандартная трёхкомнатная, скромно, но со вкусом обставленная, со множеством тканевых накидок – на стульях, диване, кресле больше напоминала портновский салон, нежели квартиру скрипача-альтиста филармонии. В прихожей, рядом со шкафом-трюмо, стоял безрукий манекен, на который, прямо на голову Евстафий Иванович накидывал то плащ, то пиджак, то пальто, возвращаясь домой. Клавдия не обращала внимания на причуды мужа, и каждый раз спокойно снимала с манекена одежду и, встряхнув, размешала её аккуратно, просунув пластиковые плечики в рукава, уже по своему усмотрению. В зальной комнате Клавдия устроила настоящую портновскую мастерскую, здесь была и ширма для переодеваний проходящих, и огромное, почти во всю стену зеркало, и уголок со швейной машинкой.

Одна из комнат принадлежала молодой девушке – подростку, долгожданной и единственной дочери Евстафия Ивановича и Клавдии.

Инна стояла спиной к дверному проходу и увлечённо играла на скрипке. Волосы Инны, собранные на затылке в шишку, оголили худенькую шею, переходящую в силуэт тонкой кости. Девушка играла музыкальный фрагмент, сбиваясь, начиная сначала – и так по многу раз. Итак, это Инна.

Пятнадцать лет назад Евстафий Иванович вначале расстроился, что родился не сын. Угроза шла для всего рода скрипачей Хандошкиных. Но потом решил – дочь непременно должна стать скрипачкой. И в честь известной скрипичной дивы тех времён назвал её Ванессой. Супруге имя не понравилось, но перечить своему талантливому мужу Клавдия не стала, и звала дочку то Инной, то Ниной, а как рассердится – Инессой.

Сам Евстафий Иванович был уверен, что традиции семьи – это главное. Его прапрадед был известный скрипач, его дед был скрипач, его отец был скрипач. И его дочь должна стать скрипачом.

Около силуэта девушки можно рассмотреть часть комнаты творческого подростка – перед Инной пюпитр с нотной партитурой «Марш Тореадора» Бизе. В ширину комнаты – сбоку слева диван, стол, на котором лежат грудой нотные альбомы, здесь же на столе по центру кусок синего драпа, на который Инна после репетиций укладывает скрипку, справа книжный стеллаж, впереди, перед девушкой, окно с лёгкой газовой портьерой, сквозь которую видно горы.

Инна любила смотреть на горы, и когда исполняла произведение – вглядывалась туда – далеко вдаль, и ей казалось, что горы тоже умеют слушать музыку.

В квартире не принято было запирать двери в комнаты, и потому во время репетиций музыкальные пассажи наполняли всю квартиру. И не только.

Клавдия в основном была занята своими швейными делами, но внимательно слушала игру за стеной, и в такт музыке делала живую ткань на портновском манекене. Вот, как и сейчас.

Раздался звонок в дверь. Клавдия его услышала не сразу. Звонок повторился. Клавдия воткнула иголку в игольницу, встала, и, держась за спину, прошлёпала тапочками-шлёпками в прихожую и открыла входную дверь.

– Сафа, ты опять ключи дома забыл...

Надо сказать, что Клавдия и своего мужа называла так, как ей вздумывалось в определённых ситуациях.

Евстафий улыбнулся, чмокнул жену, и как обычно, накинул на манекен верхнюю одежду:

– Что ключи?! Что – ключи?! Клава! Мне дали первую партию в «Травиате»!

Евстафий взбудоражено скинул обувь, шаркая туфлей о туфель. Всё это время за стеной звучали скрипичные упражнения, поэтому Евстафий с громких возгласов перешёл на полупшёпот:

– Я сыграл убедительнее всех!

– Савушка! Я была уверена, что это так и будет... Мой руки, я пойду накрывать. Инну позови.

Евстафий, крадучись, подошёл к распахнутой двери комнаты дочери, прислонился к косяку, слушая и тихонечко тарабани пальцами в такт произведению, и – по окончании игры, прошептал:

– Ванесса... Ванесса... Царевна моя...

Инесса обернулась. Увидела отца. Улыбнулась:

– Папка!

Инесса положила аккуратно, но быстро, скрипку и смычок на ткань на столе и кинулась в объятия уже зашедшего в комнату отца.

– Ванесса! Мне дали-таки!... – Евстафий поднял указательный палец вверх и восторженно заиграл глазами.

– Папка! Вот здорово! Я же говорила, я же говорила...

Инесса прижалась к отцу, и оба они, радостные плюхнулись на диван. Отец обнял за голову дочь, поцеловал в волосы и проговорил, еле сдерживая слёзы:

– Ну, и что, что поздно, ну и что... Твой великий прадед и не предполагал, как это сложно – добиться признания в наше время. Я столько лет, столько лет доказывал, доказывал...

Евстафий немного отстранил дочь, заглянул ей в глаза.

– Ты, дочка, обязана стать великой скрипачкой, чтобы род Хандошкиных не прервался. Ты учишься, дочка, учишься, мне для тебя ничего не жалко. Хочешь хорошую скрипку – на! Как тебе, кстати, твоя примавера?

– Пап! Отличная скрипка! – Инна посмотрела в сторону лежащей на столе скрипки.

– Это, конечно, не Вийом... Через год закончишь школу, поступишь в консерваторию, а я всё сделаю, чтобы ты там училась. Ты будешь знаменитой! Ты будешь играть в лучших залах мира! Я же тебе не зря дал имя – Ванесса!

– Кроме тебя, пап, меня всё равно так никто не называет.

Из другой комнаты раздался голос Клавдии:

– Инночка! Савушка! Я накрыла! Обедать идёте!

– Дочь моя! – Евстафий вздохнул и снова притянул к себе, обнимая, Инессу, – Мы – потомки самого Хандошкина! Он ещё при Екатерине Второй был камермузыкантом! Разве мог я тебя, свою принцессу, назвать по-другому...

Евстафий закрыл глаза, представляя стародавние времена, на ходу придумывая и обскаживая увиденное:

– Концертная зала императрицы Екатерины-II...

Оркестровые музыканты стоят навтыжку перед сидящими слушателями – свитой. В первом ряду величественно восседает Екатерина-II. Она одобритительно кивает. К центру оркестра выходит невысокого роста музыкант с альтом в руках. Следом за музыкантом идёт распорядитель, останавливается, не доходя до центра, и объявляет:

– Иван Хандошкин. Концерт для альты с оркестром, цэ-дур.

Музыкант кланяется. Взгляд его в поклоне поднимается на Екатерину-II, та кивает разрешительно головой.

Иван Хандошкин поднимает альт на плечо, взмахивает смычком. Вместе с основной партией альтиста, и по его взмаху начинает играть и оркестр.

– Музыка – «Концерт для альта с оркестром» композитора Ивана Хандошкина, – дирижируя руками, с закрытыми глазами, будто находясь в ином измерении, Евстафий начинает напевать партию альта.

– Сафа, Инна, сколько можно звать? – уже у порога комнаты прервал творческие фантазии голос Клавдии.

– Идём-идём... – почти одновременно произнесли папа с дочкой, и рассмеялись.

3

Каждый день по несколько часов Инна упражнялась на скрипке и, надо сказать, техникой игры владела хорошо. Она и сама уже верила, что не за горами то будущее, когда ей – стоящей на сцене в развевающихся одеждах – будет рукоплескать огромный зал. Не такой зал, как в филармонии у папы, где она ещё ребёнком, облазала все углы кулис, а настоящий – большой зал.

В классе Инна больше отмалчивалась, да и точные науки у неё в голове никак не умещались – не могла она понять, что такое косинус, что такое переменный ток. Да и зачем, думала она, забивать голову ненужными предметами, если впереди её ждала большая сцена. Из-за замкнутости и молчаливости Инну чаще звали Инка, а порой приставляли обидное слово – гундоша.

– Чё встала посередине, – прикрикнула на неё одноклассница Виолетта, проходя между партами и демонстративно задевая Инну плечом...

Так начинался почти каждый учебный день.

Перед уроками или на переменах Инна старалась не попадаться лишний раз на глаза одноклассникам. Она знала, что если что-то гадкое произойдёт в классе, то это непременно будет с ней. А зачинщиком всех дел была Виолетта. Она, то как будто невзначай могла уронить учебник или тетради Инны, лежащие ровной стопочкой на краю стола, то придумывала всяческие каверзы, без которых не обходился ни один день. Виолетта сидела позади Инны, за следующей партой.

Виолетта Быкова – красивая, рыжеволосая отличница, лидер класса. В городе все знали Быковых. Отец Виолетты руководил отделом культуры города. Виолетту постоянно ставили в пример – она и культмассовые походы на концерты организовывала, и отлично училась.

– Всем привет! – игриво произнесла Виолетта, заходя в класс.

С разных сторон отзывались голоса одноклассников:

– Привет!

– Привет!

Самый долговязый в классе парень с кличкой Вензель, на две головы выше всех, навис над Виолеттой:

– О, Виолка, хай!

Отзывалась приветливо и смуглая Эрика:

– Виолет, Виолет, ты сделала домашку? Дай посмотреть?

Виолетта, кинула сумку на парту, вернулась к Вензелю, и поставив руки в боки, прошипела:

– Ещё раз меня назовёшь Виолкой... я не сдержусь, и – схлопочешь!

Вензель сел на стул первой попавшейся парты, и съёжился, демонстративно поднимая руки и ноги одновременно:

– Прости, прости, не буду больше...

Виолетта, играючи, замахнулась на Вензеля, проходя дальше и нарочно задевая стоящую в проходе Инну:

– Чё, встала на весь проход?!

Находящиеся рядом одноклассники отреагировали смехом. Инна молча, не поднимая взгляда, села за стол и ногами пододвинула сумку к ножке стола.

Виолетта плюхнулась за стол сзади, на ходу открывая сумку, достала тетрадь и протянула её в сторону:

– Кто просил домашку? Эра?! Ты, как всегда? На...

Виолетта передала, почти перекинула, тетрадь через второй ряд столов. Её поймала Эрика – стройная темноволосая метиска. Эрика бровями, глазами скосила «умоляющую просьбу», и почти сразу послала Виолетте воздушный «чмок в благодарность». Виолетта приоткрылась к столу и вдруг резко подняла сумку и брезгливо закричала:

– Не поняла! В чём это стол? Фу! Инка, дай салфетку!

Виолетта тыльной стороной руки постучала в спину Инне. Инна напрягла спину и выпрямилась.

– Э, я к тебе обращаюсь! Чё, слух потеряла? – прикрикнула Виолетта.

Сидящая через проход, во втором ряду светловолосая пышка Туся засуетилась, достала из сумки пачку разовых салфеток:

– Виолетта, вот возьми...

– Да как я возьму, Туська, чё, не видишь, у меня руки заняты...

Виолетта демонстративно подняла руки с сумкой вверх и отошла от парты. Туся достала салфетку, подошла к столу и начала протирать его. Виолетта хмыкнула, плюхнула сумку на стол Инны и наклонилась к её лицу:

– Ты против кого прёшь? Чё, скажешь, не слышала – о чём я тебя попросила?!

Инна сидела, не поднимая глаз и не шевелясь. Виолетта стала говорить уже громче, чтобы слышали остальные:

– Замерла! Мышь серая. Отомри! Я добрая сегодня... И вообще, когда ты свои дурацкие очки сменишь?!

Виолетта засмеялась истерическим громким смехом. В это время в двери показался красивый плечистый темноволосый одноклассник – Альбер Таймасов. Виолетта тут же изменилась в лице, переставила сумку на свой стол. И, обращаясь к Тусе и рядом с ней сидящей однокласснице – Ленке, защебетала кокетливым голоском. К ним подошла и Эрика.

– Это такой сногшибательный фильм, просто отпад...

– Ты о каком фильме говоришь? – удивлённо вздёрнула брови Туся, не сообразив – почему Виолетта так резко сменила тему разговора.

– Да, «Матадор»! – вставила Виолетта, громко смеясь, бурно жестикулируя, выразительно гримасничая и поглядывая в сторону Альбера, – Там такие зигзаги! Такие страсти...

Альбер в это время уже поравнялся с одноклассницами и кивком поприветствовал их.

Альбер – красавчик класса, сын бизнесмена Мади Закиевича Таймасова. Спонсорская помощь классу и школе, весомые финансовые вливания – всё шло от Таймасовых.

В класс вошли остальные одноклассники. Раскидав сумки по столам, все болтали друг с другом, коротая время до прихода учителя. Альбер, как будто невзначай, уронил связку с ключами.

– Алик, – обратилась к нему Виолетта, – У тебя новый брелок?

– Да... – Альбер поднял связку, демонстративно прокрутил на пальце, – Это предки на днюху подарили машину, – произнёс как бы промежду прочим, вальяжно, хитро пробежав глазами по лицам соклассников и показывая брелок с ключами от машины.

– Ух, ты!

– Вот это да!!

– Машину?! А какую?

– Да, крузак восьмидесятый, не новая конечно... – Альбер показал на окно, – Можете посмотреть – её видно отсюда, там, около забора – серебристая...

Все уставились в оконный проём, прилипнув к подоконникам, и, выражая неподдельный восторг, продолжили восхищаться – кто машиной, кто жестом родичей, кто ещё чем-то своим. Виолетта стрельнула глазами по лицу Альбера, вздёрнула уголки губ и подошла близко к Альберу, положила руку на пуговицы рубашки. Жест перехватила взглядом Инна, и ещё ниже, чем прежде, опустила голову. Виолетта залебезила:

– Слушай, Алик!...

В класс вошла учительница истории, прозвенел звонок:

– Ребята, рассаживайтесь на места. Дежурные! Почему доска не готова?

Ученики медленно потянулись к своим местам. Один из парней подошёл к парте, взял тряпку и начал тереть доску.

Виолетта шёпотом проговорила Альберу:

– А когда ты успел права получить? Тебе ведь ещё нет восемнадцати...

– Отец уже договорился, чтобы я сдал на права, но зачем это, если у папы есть друзья... Его лучший друг, дядя Слава, – директор автошколы. Он мне просто подарил права... – Альбер расправил плечи и вздёрнул голову, будто вытягиваясь в стойку тореадора.

Учительница повысила голос:

– Разговоры прекращаем...

Виолетта, ещё тише, продолжила, обращаясь к Альберу, сидящему через проход:

– А нельзя ли и мне так же... ну, с правами?

– А что мне за это будет? – хитро сощурил глаза Альбер.

Учительница в это время записала на доске тему урока – «Современная история. Пути вхождения в ВТО», и глянув в журнал, обвела взглядом класс, произнесла:

– Хандошкина Инна, пожалуйста, что по этой теме сообщите?

Инна медленно поднялась и стоя молча, опустила голову.

Учительница истории прервала затягивающуюся тишину:

– Инесса, я не понимаю, как вы получите аттестат... Вы опять не готовы к уроку?

Инна молчала и смотрела куда-то сквозь свой стол.

– Садитесь, Инесса... Я уже не называю оценку, которую вам ставлю. И так всё понятно. Неплохо было бы увидеться с вашими родителями... хотя, по-моему, это уже просто не серьёзно...

Виолетта скривила довольное лицо, приподнялась, и на стул Инны как бы невзначай сбросила учебник истории. Уже садящаяся Инна подскочила, обернулась. Виолетта невинно захлопала ресницами.

Учитель истории, заглядывая в журнал, произнесла:

– Отвечать будет...

Весь класс, как по команде, опустил глаза – кто в учебники, кто в тетради, кто просто в парты. Учительница провела карандашом по списку журнала до конца, вернулась в начало:

– Беркутов Тима, пожалуйста, тебе, по-моему, нужно показывать пример – всё-таки на красный аттестат идёшь.

Из-за последней парты поднялся темноволосый приятной внешности парень по кличке Беркут, и направился к доске.

Вензель громко зашипел, изображая расправленными руками полёт птицы и затем диспетчера:

– Шшш...Беркут-Беркут! Не подведи...

Беркут посмотрел на Вензеля и улыбнулся.

Виолетта в это время достала блокнот, вырвала листок и написала записку, пересеклась взглядом с Альбером, и перебросила её ему:

«У меня есть одна идея! Довезёшь меня до дома – поболтаем».

После уроков все столпились около машины Альбера. Альбер и Виолетта уже подходили к машине, и Виолетта прокомментировала:

– О, приколы! Облепили, как тля. Им волю дай – и наверх и под неё залезут.

Альбер достал из кармана брелок-противоугонку, пикнул сигналом. Джип сверкнул фарами. Виолетта подошла близко к машине, открыла дверцу машины, давая всем понять, что времени на пустые разговоры нет, и демонстративно громко произнесла:

– Алик, поехали, и так времени нет.

По дороге она начала рассказывать в подробностях о фильме «Матадор». Альбер перебил её:

– А в чём твоя идея?

Виолетта немного помолчала, как будто на ходу придумывая – о чём ещё поговорить, потому что никакого особого плана у неё не было, просто хотелось покрасоваться перед одноклассниками, прокатиться на машине и поболтать с Альбером:

– Слушай, как ты думаешь, вот когда мы будем совсем взрослыми... ну, там после школы, после института... такие как Инка – нужны будут в жизни или нет?

– Я не думал об этом...

– А ты подумай! Ходит, нет, ползает среди нас – серая мышка. Плюгавая... фу... как только таких земля носит!

– И чё она тебе? Жить мешает?

– А хоть бы и мешает!... У нас клёвый класс, а эта гундоша – как куриное перо!

– И чё ты хочешь?

– Надо сделать так, чтобы она ушла от нас, – оживилась Виолетта.

– Куда?

– Да хоть куда! Хоть в другой класс, а ещё лучше в другую школу! Но надо это сделать красиво! Например... – Виолетта начала фантазировать, – ...Она же втюканная в тебя по уши...

– Да ладно тебе!

– Ой-ой, раскраснелся! Да в классе любой девчонке намекни только о тебе – сразу «шу-шу-шу, шу-шу-шу» – любой подмигни – за тобой и в огонь и в воду пойдёт!

– И ты тоже?

– Ну, Алик, мы же с тобой друзья! У нас всё по-настоящему!

Альбер ухмыльнулся, но распрямил плечи:

– И какой у тебя план?

– По сути – ничего! Главное, чтобы она оказалась в нужном месте в нужный час... Если при всех опарафинишь её – она точно сбежит из класса. Главное, чтоб навсегда...

– Ты думаешь, это нашим будет интересно? – брезгливо сморщился Альбер.

– Да посмеёмся и всего-то! Или тебе слабо? – с горящими глазами проворковала Виолетта, – Или тебе слабо?

– Э-э! Ты поосторожней на поворотах... Ты чё, меня на понт берёшь?

– Ну, Алик, это же по приколу... Хотя... Эту курицу давно надо выбросить на улицу... О! Я стихами заговорила! Понимаешь, Алик, эта пикала меня пытается не замечать. Мне обидно! А ты что – за меня не постоишь?

– Ну, была бы она парнем, я бы с ней нашёл о чём поговорить...

– Нет, ты не понял! Она же у нас музыкантша! С ней надо тонкую работу провести! И так показать её место, чтобы она навсегда поняла, что ей не то, что в нашем классе, ей в нашем городе делать нечего... Я кое-что придумала! ...Ты мне сейчас принципиально скажи – ты со мной заодно или...?

Альбер уже притормозил у дома Виолетты. Он развернулся лицом к Виолетте, важно закинул руку на спинку сиденья:

– Ох, Виолка, сводишь ты меня с ума своими задумками, но ты же знаешь, как я к тебе отношусь – всё, что скажешь...

– Виолетта придвинулась ближе к Альберу:

– Только тебе позволяю меня так называть... Алик, у меня к тебе есть просьба... Поговори с дядей Славой... пусть он и мне права сделает... а...?

Виолетта хитро сощурилась.

– Так это и есть цена вопроса?

– Ну, пусть будет так... цена вопроса – ты договариваешься с кем надо и покупаешь мне права, – Виолетта уже собралась выходить из машины, но обернулась на Альбера, – Или всё-таки слабо?

– Да, ладно... По рукам!

4

На следующее утро Инна шла в школу, как обычно, не глядя по сторонам и досыпая на ходу. Рядом с ней притормозила машина, из окна высунулся Альбер:

– Инка, привет, садись – подвезу.

Инна почувствовала, как кровь хлынула к лицу. Она обернулась, чтобы удостовериться – ни к другой ли какой Инне обратился Альбер, да и вообще, может, ей показалось, что он произнёс это имя...

– Да, садись, тебе говорю, чего ломаешься, – Альбер приоткрыл изнутри дверь.

Инна забралась на высокое сиденье рядом с Альбером, прикрыла колени школьной сумкой, и сложила на него руки. Всю дорогу она боялась даже глаза поднять на Альбера, и только кивала или пожимала плечами в ответ на его вопросы. А тот болтал о погоде, об уроках, о машине. Инна и не слышала, что именно он говорит, она слушала, как течёт его голос бурным потоком горной реки – то басовито-грозно, то раскатисто-звонко...

А когда они доехали до школы, Инна молча выкарабкалась из машины и, осознавая, что вряд ли Альберу захочется идти рядом с ней, припустила шаг.

На перемене Виолетта стояла в окружении одноклассниц, что-то бурно обсуждая, когда по коридору бегали и толкались мальчишки пяти-шестиклашки. Инна стояла у окна и смотрела куда-то вдаль. По коридору в направлении Виолетты шли Альбер и Вензель.

– Ты прикинь, – говорил Вензель Альберу и заглядывал в глаза, – Всего-то не хватило полторашки. Ну, я отдам!...

Подошли к девочкам. Вензель сразу включился в тему девчонок. Альбер подошёл к Виолетте:

– Пойдём – поговорим.

– Ну, ты умник! Она, по-моему, уже клюнула и теперь можешь делать с ней, что хочешь.

– А она ничего... – поглядывая в сторону Инны, проговорил Альбер.

– Что?! – Виолетта ладонью руки повернула лицо Альбера к себе.

– В смысле – фигуры...

Виолетта, еле сдерживала зацепившую ревность:

– Ты это мне говоришь? Или я ослышалась?

– Да успокойся... По-моему, ты сама хотела её опарафинить, а для этого надо её ближе подпустить...

– Вот это другой разговор...

По коридору к старшеклассникам направлялась классная руководитель – молодая, неуверенная, робкая, пугливая Анна Алексеевна:

– Виолетта, Быкова! Сегодня после пятого урока всех старост завуч у себя собирает, не забудь. Да, и ещё твой папа обещал...

– Ах, да, я принесла, – Виолетта порылась в сумке, достала из неё пачку билетов и протянула Анне Алексеевне, – Вот здесь пригласительные для учителей на весь сезон, и он сказал, что на зимних каникулах достанет для нашего класса льготную поездку на турбазу.

Анна Алексеевна приподняла брови и зарделась:

– Ох, и балует нас Владимир Андреевич. Повезло тебе с папой, а нам с тем, что начальник управления культуры у нас в родительском комитете!... Так! Звонок слышали? Все в класс! И не забывайте – с завтрашнего дня учимся с первой смены.

Одноклассники начали громко возмущаться:

– У-у! Не выспаться!

– Да, ладно, зато оттарабанишь с утра, и весь день свободен.

На следующий день Инна, собираясь в школу, как-то по-особенному внимательно посмотрела на себя в зеркало. Густые чёрные ресницы не было необходимости подкрашивать. Вот только дурацкие очки всё портили, но из-за постоянной работы с нотами зрение испортилось уже давно:

– Может, попросить маму и папу купить линзы? Говорят, что даже цвет глаз можно линзами изменить... – думала она, разглядывая себя и тут же выдавливая соскочивший на лбу угорь, – Наверное, мне бы подошли голубые глаза... Интересно, а какие глаза нравятся Альберу?...

Инна вытащила из-под зачёса одну прядь волос, потом другую, слегка намочила их и взбила рукой. От рождения выющиеся волосы ей приходилось всегда убирать в тугую косу-коралку, чтобы во время занятий музыкой ничего не отвлекало. Но сегодня показалось, что так будет лучше.

Альбер подошёл к Инне после уроков:

– Инн, а ты сегодня после музыкалки во сколько домой?

Инна слотнула подкативший в горлу ком:

– В семь...

– У меня к тебе дело есть, я подъеду к музыкалке?...Ну, давай, до вечера, – Альбер проговорил это, развернулся и уже его фигура скрылась за углом коридора, а Инна всё стояла и смотрела ему вслед, ощущая себя лёгкой, как пиццикато в прелюдии «Травиаты» Верди.

Он действительно вечером приехал к музыкальной школе. Инна увидела его джип из окна класса, и, сама не своя, собрала впопыхах партитуры и выбежала на крыльцо. Альбер ждал её у двери. Он загадочно улыбнулся и пропустил вперёд, указывая на машину:

– Прошу! – галантно открыл дверь Альбер...

Инна вернулась домой позднее обычного. Они с Альбером катались по городку, ходили по набережной и не заметили за разговорами, как быстро пробежало время.

Родители уже готовились ко сну. Инна тихо прошмыгнула в свою комнату. Но мама услышала:

– Инночка, ужин на плите – разогрей сама...

Но мама в кухню всё-таки зашла. Инна немного насторожилась, думая, что мама станет расспрашивать её.

– Лиля Сергеевна заходила сегодня – мама Виолетты.

Инесса насторожилась ещё больше.

– Такая чудная семья. Мама у них просто само умиление... Она мне материал для платья Виолетточке на день рождения принесла – смотри, какая прелесть, – и тут только Инна разглядела в руках мамы алую шёлковую ткань...

«Вот так и рушатся мечты» – подумала Инесса, – «Именно из такой ткани я хотела платье себе...».

Инна притворилась безразличной, положила себе в тарелку котлету, толчёнку. Мама села с ней за столом рядом:

– А ты-то уже придумала себе фасон на выпускной? И ткань какую? Давай-ка пофантазируй... Я предлагаю что-нибудь беленькое...

– Мама!... – Инна посмотрела на мать, – Я хочу в синем шёлковом, длинном, чтобы оно было такое...

– Ну, вот и славненько?! – и как востепенулась, – Ой! Лиля Сергеевна сказала, а ей Виолетта, что тебя сегодня в учительскую вызывали... Ты что-то скрываешь?

– Мам!...Да, недоразумение...

Инна уже доела котлету, быстро ополоснула тарелку, чмокнула мать в щёку и убежала в свою комнату. Клавдия только и успела крикнуть вдогонку дочери:

– А над фасоном подумай...

Инна переделалась, села за уроки, что-то написала в тетради. Прочитала. Вытянула правую руку на столе, уложила на неё голову и, задумчиво глядя в учебник, представила перед собой Альбера, слыша его удивительный голос.

Инна встала из-за стола, подошла к футляру со скрипкой, открыла его, погладила скрипку ладонями и обернулась к зеркалу, встроенному в дверцу платяного шкафа. Встала в позу с воображаемой скрипкой и начала изображать игру на скрипке, разглядывая своё отражение. Потом подошла ближе к зеркалу и тихо произнесла:

– У него были такие ясные глаза...

Инна закрыла глаза и представила, как, уходя, она насмелилась и спросила у Альбера:

– А какие глаза тебе нравятся?

И он ответил:

– Твои...

На следующий день в музыкальной школе Инна доигрывала последние такты, как дверь в класс приоткрылась и Инна увидела просунувшуюся голову Альбера.

Инна вытаращила удивлённые глаза, а Альбер жестами показал, что он её ждёт.

Преподаватель постучала по столу ручкой и прикрикнула:

– Закройте дверь... Инна, Инна, поработай над второй частью. Всё-таки там надо добавить акцента на сильных долях... А остальное замечательно. Думаю, что этот Марш тебе можно выставить на поступление.

Инна махнула утвердительно головой, спешно сложила нотные партитуры, скрипку:

– До свидания, – произнесла быстро и побежала чуть не вприпрыжку по длинному коридору музыкальной школы, к выходу. Остановилась около входной двери, отдышалась, и открыла дверь.

Альбер стоял около джипа, и увидев Инну, помахал ей рукой. Инна направилась к машине, и Альбер галантно открыл перед ней дверцу.

– Может, немного покатаемся? – предложил Альбер, когда уже завёл машину.

Инна утвердительно кивнула.

– Ты всегда так мало говоришь, больше молчишь... Мне даже на уроках было интересно – какой у тебя голос..., – проговорил Альбер, поглядывая на Инну, – А что у тебя – скрипка или альт? – Альбер глазами показал на футляр, лежащий на коленях Инны.

– Это скрипка. Альт больше размером.

– А они чем ещё отличаются? – продолжил допрос Альбер.

– Высотой тона. Голос альта ниже, чем у скрипки. Ну, это, как мужчина – альт, а женщина – скрипка.

– И что, женщины на альтах не играют?

– Ну, почему же... Грига я играю на альте, а Бизе на скрипке...

– Бизе? Это что за музыка?

– Бизе – композитор. Я играю его Адажиетто из оперы «Арлезианка» и «Марш Тореадора» из «Кармен».

– А у тебя есть любимое произведение?

– Много что нравится... Ну, вот «Марш Тореадора», наверное, больше...

– Я всю жизнь мечтал услышать вот так близко, как ты сидишь, скрипку.

Инна смущенно опустила глаза. Альбер следил за всеми жестами Инессы и улыбался уголком губы.

– А ты была когда-нибудь на загородной сопке? С неё видно всю панораму города...

Инна покачала отрицательно головой.

– Сейчас там красиво. У меня есть фотки с этой сопки во все времена года. Хочешь, покажу? – не дожидаясь ответа, он достал мобильник, – Держи. Нажми там на папку «Фото», а я пока припаркуюсь.

Инна поджала губы, и просто взяла из рук Альбера мобильник.

Фотографии, действительно, были с красивыми видами. Альбер листал пальцем монитор. Инна чувствовала рядом плечо Альбера, его дыхание и тёплый запах.

– Смотри, вот это вид на город... А здесь рядом... чуть-чуть не захватил, есть одинокая сосна, и вид такой – зашибись... ой, я хотел сказать, классный!

Инна втянула в себя головокружительный запах, закрыла глаза.

– Тебе интересно? – Альбер посмотрел на Инну совсем близко.

Инна будто очнулась:

– Да-да, очень...

И уже через два дня, так же вечером, после занятий, Альбер повёз Инну на загородную сопку.

Машины оставили внизу. Альбер побежал бегом на сопку, и уже на верху расправил руки и громко закричал:

– Красота-а-а-а!.....

Инна медленно поднималась и восхищённо смотрела на Альбера. Она видела, как Альбер бежит вниз с распахнутыми руками:

– А-а-а-а... – подбежал к Инне, подхватил её и закружил, а когда остановился, медленно опустил на землю, заглядывая ей в глаза.

Инна стала упираться в грудь Альбера.

– Да, не бойся ты... Это я так, от порыва чувств... Хорошо-то как! Знаешь, с тобой так просто всё. В смысле... легко... Не надо притворяться...

Инна смотрела на Альбера в упор, пытаясь понять сказанные слова.

– Инн, а можно просьбу? Сыграй, а? Там – наверху... Ну, давай, а? Не отказывайся, а?

Инна кивнула головой. Альбер тут же побежал к машине, достал скрипку. Вернулся, схватил Инессу за руку и потянул за собой на вершину сопки. Там галантно положил футляр к ногам Инессы, отошёл, сел на землю и уставился на неё.

Инна отдышалась, улыбаясь, достала скрипку, смычок. Вскинула инструмент на плечо, немного подстроила, и «включаясь в игру», торжественно, как со сцены объявила:

– Бизе. Марш Тореадора.

Инесса прикрыла глаза и тронула смычком струны.

Альбер заврожено смотрел на Инну, и выражение на его лице менялось несколько раз – от удивления до восхищения. Слушая, он в какой-то момент представил себя в центре арены, плечи его расправились, и виделось – вот-вот он поднимет руки и прямо на него выскочит разъярённый бык...

Инесса завершила игру, Альбер заплодировал, и Инна раскланялась.

– Это замечательно! Знаешь, я представил, как ты стоишь на большой сцене в развеваемом синем платье, и в волосах у тебя роза!

– А почему в синем?

– Ну, не знаю...

– Это же коррида, испанская страсть! Поэтому только красное! – и продолжила, как будто читая заученный текст, – «Споры, гомон, насмешки, шутки, неистовый разгул страстей, кто трус, тому бывает жутко...» – это перевод текста из оперы...

Альбер вначале недоуменно, а затем восхищенно посмотрел на Инессу, которая ещё что-то говорила-говорила, и внезапно остановилась, «споткнувшись» о застывший взгляд Альбера.

– ...Мне пора домой, – проговорила тихо Инесса.

– Мг... – Альбер продолжал восхищенно смотреть на Инессу и кивал головой.

5

– Как наш план? – спросила Виолетта Альбера, спустя неделю после их разговора.

– Какой план? – переспросил Альбер.

– Алик, ты меня удивляешь... По поводу этой...

– Знаешь, мне кажется эта затея... не совсем... ну, как бы тебе сказать...

– Алик? Ты ли это? – у Виолетты перехватило дыхание, – Неужели ты не видишь, что такие, как она, отравляют воздух вокруг. Она же шмакодявка, ничтожество... пустота! Ишь, распушила свои куриные перья! На скрипочке она, говоришь, хорошо играет?... Короче! Вешаешь ей лапшу на уши о чём угодно – что ты договоришься, чтобы её сняли в кино, что...

Альбер как будто не слышал, что говорила Виолетта.

– А ты можешь договориться с отцом, чтобы нам дали один вечер на сцене Большого концертного зала? – спросил Альбер.

– Вечер?... Пустой зал?... Ну, вот это другой разговор... Я вижу, ты уже сам что-то придумал!

Виолетта позвонила вечером.

Трубку взял отец Альбера – Мади Закиевич:

– Виолетта, подожди немного, я его позову...

Мади Закиевич вышел из комнаты в гостиную и, глядя по направлению вверх по лестнице, громко позвал сына:

– Али! Тебя Виолетта к телефону... Переключить?

Голос Альбера:

– Пап, я не у себя... Сейчас спущусь...

Альбер спустился по ступенькам лестницы и взял телефонную трубку:

– Слушаю...

– Алик, всё тип-топ! – раздался голос Виолетты, – Отцу сказала, что нам нужен будет большой зал для репетиции. Он мне пообещал ключи на следующей неделе. Так что у тебя на всё про всё неделя. Давай, не подкачай, вот будет хохма, – захихикала в трубку Виолетта.

Прошло ещё несколько дней.

Теперь каждый вечер Альбер и Инна проводили вместе.

Однажды Альбер встретил Инессу после музыкальной школы и подарил ей букет осенних листьев.

На следующий день они сидели на лавочке сквера.

А в выходной Альбер пригласил Инессу в кафе. В этот день выпал снег. Инна и Альбер сидели в кафе и смотрели в окно на прилипающие к окну и тут же тающие снежинки.

– Ты зря отказываешься, – сказал Альбер, – Фотосессия на сцене большого зала – это же фото для афиш твоих будущих концертов! Представь – везде твоё изображение, «летающие вихри», и что там...

Инесса завораживающе рассмеялась, и этот смех распалил фантазию Альбера. Он жестами и мимикой стал изображать лица прохожих, глядящих на афишу.

– ...Ну хорошо, хорошо... уго-во-рил, – произнесла Инесса, – Дело осталось за малым. У меня нет подходящего платья...

На следующий день перед уроками Виолетта подошла к Альберу:

– Слушай, ну, когда уже всё созреет? Чё-т ты тянешь...

Альбер посмотрел на Виолетту:

– А ты можешь достать красное платье?

– Красное платье?!... Это ещё зачем? – изумлённо вскинула брови Виолетта, – Хотя... Вот теперь я точно знаю, что нужно сделать. Видел фильм «Чучело»? Наше чучело будет куда

чучелее. Ради всего этого я готова пожертвовать своим платьем для дня рождения, которое мне мамаша заказала у её матери... Ха! Меня уже колошматит от этой идеи! Она стоит любого платья!

В класс зашла Инесса. Она увидела Альбера рядом с Виолеттой и сникла в лице.

– А чё это она? Вообще... Нет, ты видел... – почти завопила Виолетта, и громко добавила:

– Альбер, ты меня заведи завтра пораньше из дома, покатаемся...

Альбер покрутил пальцем у виска.

Весь учебный день Инна не поднимала глаз в сторону Альбера, и он чувствовал себя неловко. А после уроков Инна решительной походкой уже шла, почти бежала по заваленному снегом двору от школы. Альбер догнал её:

– Инн, ты не так всё поняла! Мы же с Виолкой с детского сада вместе.

Инна улыбнулась:

– А я разве что-то тебе говорю? Это твоя жизнь! Ты в ней можешь делать всё, что хочешь... Я-то тут причём? Я же никто...

– Ты не «никто»! Мне с тобой хорошо, понимаешь? Мне легко с тобой!

Инна начала уворачиваться, чтобы Альбер не увидел, что у неё потекли слёзы. Но Альбер норовил заглянуть Инне в глаза:

– Ты плачешь?... Прости, прости! Я совсем не хотел тебя обидеть! ...А с Виолкой я договаривался о платье. Она сказала, что твоя мама ей шьёт, и она ни разу его не одевала, и готова тебе его дать на фотосессию.

Инесса возмущённо проговорила:

– ...зачем ты ей сказал о фотосессии...

– Я не говорил... Я просто сказал, что... у тебя концерт, а нужна репетиция в большом зале ...её отец... ну, ты же знаешь, он даёт зал...

Альбер нёс всякую чушь, придумывая на ходу, стараясь казаться убедительным.

– Так, уже что, ты договорился о зале? – переспросила Инна.

Альбер кивнул головой.

– Завтра, вечером, в девять... – он схватил руку Инны, но Инна освободила её и, увернувшись, пошла прочь, потом резко развернулась:

– Хорошо. Только у меня будет просьба – не говори никому о фотосессии.

– Мг... – промывчал что-то невнятное Альбер.

Инна еле выдавила на лице улыбку, развернулась и пошла вперёд. Альбер остался стоять, глядя ей вслед.

6

...На следующий день Инна, вернувшись из школы, застала мать расстроенной:

– Мам, что такое – ты сама не своя...

Клавдия вздохнула тяжело:

– У меня никогда такого не было... Представляешь, приходила Лиля Сергеевна, ну, помнишь, я говорила, что она дочери заказывала платье для дня рождения... Она сегодня пришла, расплатилась с заказом, но сказала, что Виолетта передумала шить красное, а раз уже я почти дошила, то, так сказать, за работу, они расплатились, но Лиля Сергеевна сказала, что им платье не нужно, и дочь наотрез отказалась его одевать, и заявила матери, что если она его принесёт домой, то она, Виолетта, значит, порежет его на полоски и выбросит... Я ничего не понимаю!

Инна смотрела на мать и пыталась восстановить, что произошло накануне, в разговоре с Альбером.

«Может, это она назло мне?» – подумала Инна.

– Мам, да не расстраивайся! Может, она ещё передумает, ты просто не знаешь Виолетту.

– Не-нет, Лиля Сергеевна принесла мне два новых отреза и абсолютно новые фасоны.

А то платье... я так старалась... Может, мы тебе что-то из него перешьём?

– Мам, даже не думай! Не буду я после этой... ничего её одевать...

– Инночка, дак, она ни разу ведь и не мерила даже, а все мерки твои – я же видела вас на линейке – вы совсем одинаковые по комплекции...

– Мама!

– Ну, что – «мама»! Мне и Лиля Сергеевна говорила, что только чтобы без примерок...

А я так старалась... Там такой незатейливый фасон – нежненько так получилось, на тоненьких бретельках....Примерь, а?

Инна подумала, что это платье может стать вариантом для фотосессии:

– Хорошо, давай, примерю...

Платье оказалось впору. Струющаяся шёлковая ткань спадала до самого пола, и казалось, оно всё держится только на двух тоненьких бретельках.

Клавдия обвела взглядом платье на фигуре дочери:

– Я тебе сделаю гипюровую пелеринку сверху, а то как-то совсем голые плечи...

– А мне нравится!

Инна смотрела на своё отражение в зеркале и уже представляла себя на сцене...

Приблизился вечер долгожданного дня.

На сцене большого концертного зала Инне предстояло оказаться впервые.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.